

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

УДК 338:91

А.Г. Дружинин

МЕТРОПОЛИЗАЦИЯ КАК ДОМИНАНТНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ И ЮЖНО-РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА

A.G. DRUZHININ

METROPOLISATION AS A DOMINANT TENDENCY OF SPATIAL ORGANIZATION OF SOCIETY IN THE POST-SOVIET PERIOD: UNIVERSAL DISPLAYS AND SOUTH-RUSSIAN SPECIFICITY

Северо-Кавказский научно-исследовательский институт экономических и социальных проблем Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская 160, факс (863) 2640264, isep@sfnu.ru

Рассматриваются особенности метрополизация как доминантной тенденции территориальной организации общества в постсоветский период. Показана сопряжённость метрополизации с урбанизацией, регионализацией и глобализацией. Акцентируется активизация метрополизации в современной России, оценено влияние на метрополизацию фактора глобального финансово-экономического кризиса. Показано, что для трансформации крупного города (в том числе и регионального центра) в полномасштабную метрополию существенен комплекс взаимосвязанных факторов: размер и потенциал контролируемой территории, демографо-экономический масштаб самой метрополии, её структурные особенности, характер взаимодействия с другими метрополиями, в том числе и в рамках процесса глобализации. Выявлена специфика и детерминанты (периферийность, руральность, полиэтничность и др.) метрополизации на Юге России.

К л ю ч е в ы е с л о в а: метрополия; метрополизация; территориальная организация общества.

K e y w o r d s: the metropolis; the metropolisation; spatial organization of society.

Метрополия, метрополизация – понятия по сути своей столь же географические, сколь и социально-политико-экономические, в последние годы всё увереннее входящие в язык современной российской науки. Под метрополией традиционно подразумевается некий географический центр, ареал (главным образом город, иногда страна, либо её часть), обладающий зависимой (в хозяйственном, политическом, культурном отношении) территорией (периферией, колониями). Разумеется, в палитре пространственной организации общества на всех исторических этапах имели место и «негородские» метрополии (в ретроспективе – это замки и дворцы крупнейших феодалов, в современных территориально-конфессиональных системах – важнейшие храмовые комплексы и наиболее почитаемые монастыри и т.п.), однако уже практически с конца XIX в. в планетарном масштабе метрополизация напрямую корреспондирует с урбанизацией, реализует себя в её пространственной матрице. Именно с данным обстоятельством связано во многих случаях наблюдаемое практическое отождествление метрополизации с урбанизацией (метрополизация рассматривается как её морфологическая разновидность [3]) и её важнейшими сторонами – территориальной социально-экономической поляризацией и агломерацией, включая концентрацию разных видов деятельности и населения в центре страны, в её столице.

Разумеется, в обществах, сохраняющих высокую степень хозяйственной архаики и селитебной руральности, присутствуют и метрополии, несколько дистанцированные от важнейших городов. Вместе с тем, в современном экономико-географическом контексте метрополизация в целом уже практически немыслима вне урбанизации, её наиболее зрелых территориальных форм, и даже «сельские метрополии» (характерные, в частности, для некоторых регионов Северного Кавказа) экономически тяготеют к своим городским центрам, к их рынку труда, торговым оборотам, инфраструктуре, государственно-распорядительным и перераспределительным институтам. Симптоматично в этой связи внедрение в язык науки термина-конструкта «метрополис» (для обозначения крупных городов, выполняющих интернациональные экономические функции, в

которых наблюдается постоянный приток и отток информации, товаров, капиталов, кредитов, людей и т.д. [4, 15]), широкое (в разных лингвистических системах и национальных научных школах) оперирование понятием «метрополитенский ареал», разработка представлений (наиболее углублённая – во французской исследовательской традиции) о так называемых «региональных метрополиях».

Фиксируя внимание на преимущественно городской ипостаси метрополии, следует вместе с тем подчеркнуть, что метрополизация – это лишь один из аспектов урбанизации, причём, аспект самостоятельный, во многом выходящий за рамки всего того, что связано с ростом городов и городского населения. Метрополизация «географична». Она развёртывается в определённом ареале (ареалах, регионах), зависит от конкретной геоситуации (количественные и качественные параметры территории, особенности урбанистического каркаса и позиционирования важнейших центров и т.п.), от степени и характера включённости территории, и особенно её центров (потенциальных и фактических метрополий), в трансграничные взаимодействия, в территориальные социально-экономические системы высших таксономических рангов. Однако в ещё большей мере процесс метрополизации «экономичен», связан с социально-политической сферой. Понятия «метрополизация», «метрополия» вмещают в себя, прежде всего, разворачивающийся в географическом контексте политико-экономический феномен, т. е. взаимодействие не столько по «горизонтали» (территориальные отношения между локализованными социально-экономическими феноменами), сколько по «вертикали» (пространственный аспект экономических и социально-политических отношений).

Многообразная в своих географических проявлениях (территориальная, экономическая и культурная экспансия региональных столиц, увеличение количественных и, что существеннее, качественных [31, 32, 33, 34] различий между последними и остальной территорией, структурные сдвиги в крупнейших городах и т.п.) метрополизация являет собой конструирование и воспроизводство в социально и политически детерминированной пространственной матрице особой практики экономического доминирования ведущего пространственного ареала и, прежде всего, городского центра (через рентный, ценовой и бюджетный механизмы, системы внутрикорпоративного перераспределения прибыли и др.). Подобного рода доминирование (объективное и универсальное) в полной мере проявляется и в постсоветской России, в условиях регионализации, глобализации и рыночной модернизации.

В Советском Союзе динамично развивалась урбанизация, формировались городские агломерации и в поляризованном социально-экономическом пространстве всё возрастающую роль (прежде всего в управлении, науке, культуре, образовании) играли крупнейшие города (симптоматично и точно Н.Н. Баранский уподоблял их «командному составу» страны [2]). Показателен в этом отношении характерный для середины 1970-х гг. стремительный «поворот» отечественного экономико-географического сообщества к городской проблематике [6, 14, 18, 23, 29 и др.], акцент на выраженном смещении центра тяжести комплексной территориальной организации общества к ареалам с повышенным уровнем концентрации городского населения [18], формировании мегалополисов [20], вылившийся в острую дискуссию по поводу концепции так называемого «аглоцентризма» [1].

В силу многих социально-экономических причин (наличия мощных компенсаторных перераспределительных механизмов из центра на периферию, социального нормирования, отсутствия существенного социально-территориального расслоения, доминанты отраслевой системы управления экономикой и др.) процесс метрополизации в советский период протекал, тем не менее, в большей мере латентно, в неявном виде (особенно на региональном уровне), был лишён целого ряда своих важнейших (имманентных рыночной экономике) детерминант и аспектов. Ситуация начала кардинально меняться в конце XX в., когда исторически сложившаяся сеть крупных полифункциональных урбанистических центров в ходе системного кризиса и последующего восстановительного роста не только воспроизвелась в новом хозяйственном и политическом контексте, но и выстроила достаточно устойчивую систему политико-экономического доминирования над периферией.

В постсоветской России в условиях укоренения рыночных отношений и имманентного им «неравного обмена, создателя неравенства в мире» [5], предельно масштабно проявили себя центр-периферийные градиенты. На смену характерному для 1960–1980-х гг. периоду некоторого усиления однородности и связности [7] пришла эпоха углубления региональных и субрегиональных контрастов, и метрополизация приобрела фактически повсеместный характер.

«Веками проявлявшийся центробежный вектор колониализма отчасти сменился центростремительным или раздробился во множестве локальных метрополий и колоний, когда центр каждого региона, подражая столице империи, эксплуатирует, подавляет, грабит свою периферию» [10]. В данном политико-экономико-территориальном контексте идёт самопроизвольное сгущение населения, экономической активности, инфраструктуры в немногих ареалах. В их числе с конца 1990-х гг. в качестве доминирующего «центра» российского геопространства в ещё большей, чем ранее, мере проявляет себя Москва с тяготеющим к ней Подмосковьем. В настоящее время на долю московского «сгустка» социально-экономической активности (0,27% от всей территории РФ) приходится 12,1% населения страны, 27,3% её совокупного ВРП, что существенно превышает ситуацию восемнадцатилетней давности. Исторически сложившаяся в России и пролонгируемая в постсоветский период доминанта **суперметрополии** (по оценке Б.Б. Родомана наблюдается всего рода *московская неокOLONиальная волна* – приобретение столичными чиновниками-бизнесменами крупной собственности в провинции с кооптацией их в местные органы власти и вытеснением местных деятелей [22]) одновременно оказалась спроецирована на региональный и локальный уровни, дополнилась множеством **региональных метрополий**.

В экономически поляризованном мире, мире масштабного территориально-социального неравенства (после 1991 г. к нему, безусловно, принадлежит и Россия), современные крупнейшие города выступают местом перераспределения и аккумуляции прибыли и ренты, ареалом постоянного проживания наиболее состоятельной части населения региона, страны в целом, т. е. полюсом власти, богатства и соответственно сверхпотребления [9]. Чтобы соответствовать этим условиям, крупнейший город должен быть конкурентоспособен экономически, должен обладать современной (ориентированной на инноватику, сферу услуг, высокотехнологичный индустриальный комплекс) структурой хозяйства, развитой инфраструктурой, обширным стратифицированным (и в существенной мере сегрегированным) пространством.

Современные крупнейшие города – это, прежде всего, мощные полюсы диверсифицированной хозяйственной активности, притягивающие и организующие разнообразные потоки (материально-вещественные, людские, финансовые, информационные). В условиях глобализации именно урбанистические центры, особенно крупнейшие, выступают каркасными элементами территориальной организации общества. Причём город, претендующий на статус «метрополии», должен также не только организовывать и контролировать «свою» территорию, но и активно соучаствовать в функционировании всей соответствующей урбанистической системы, быть «представленным» (информационно, финансово, теми или иными культурными акциями и др.) в равных ему по статусу и параметрам городах, т. е. характеризоваться высокой степенью включённости в современные сетевые взаимодействия и быть восприимчивым к различного рода инновациям.

Метрополизация – это протекающий в рамках сложившегося политико-экономического механизма регионоформирующий процесс (как верно подметил А.И. Трейвиш, за регионализацией развития власти и собственности сплошь и рядом стоят их локализация и урбанизация [26]). Метрополизация – это также и достижение системно значимых миссии, функций, структуры, статуса городом (а в этой связи и агломерацией, соответствующим регионом, страной в целом) на фоне (и в конкуренции) с другими узловыми элементами урбанистической сети, что позволяет в совокупности рассматривать её как процесс геопространственного позиционирования (самопозиционирования).

Разумеется, для любого крупного города (и тем более крупнейшего города-миллионера) характерны те или иные проявления его «метропольного статуса» (чтобы существовать, полагал Ф. Бродель, городу нужно господствовать над какой-то «империей», пусть даже крохотной [4]). Однако для трансформации крупного города (в том числе и регионального центра) в полномасштабную метрополию существенен комплекс взаимосвязанных факторов: размер и потенциал контролируемой территории, демографо-экономический масштаб самой метрополии, её структурные особенности, характер взаимодействия с другими метрополиями, в том числе и в рамках процесса глобализации. Приоритетное влияние на метрополизацию (на развёртывание её инвариантных моделей) оказывает и общий территориальный социально-экономико-культурный контекст, специфика того или иного региона, страны в целом.

Россия – это страна перманентного перераспределения (по В. М. Полтеровичу [19]), и именно позиционная способность (статусная, обусловленная экономико-географическим

положением, иными факторами) участвовать в инвариантных перераспределениях (энергосырьевой, земельной, индустриальной, торговой и иного рода ренты, прибыли корпораций, бюджетных ресурсов и т.п.) придаёт тому или иному городу свойство метрополии.

Современная метрополия, в том числе и метрополия региональная, – это синтез качества и количества, продуцент глобализации и регионализации, сплав адаптивности к инновационным изменениям (включая способность к генерированию инноваций) и устойчивости территориальных и социально-экономических институтов. В региональном и политико-экономическом контекстах постсоветской России метрополии *рентоориентированы* (на улавливание и перераспределение ренты, главным образом ресурсно-сырьевой и позиционной) и функционируют в условиях доминанты экономических и политических монополий. Монополия на власть (в том числе приоритетное распоряжение ресурсным потенциалом территории), на институты создаёт условия для формирования метрополий, пролонгации ими территориального социально-экономического доминирования, для стабильного получения ими своей «маржи» (позиционной ренты), для всё новых и новых количественных и качественных изменений, иллюстрирующих и подкрепляющих соответствующий привилегированный статус. В этом плане показателен город Сочи (сочинский субрегион), уникальный для нашей страны и одновременно в планетарных сопоставлениях «скромный участок глобальных субтропиков средиземноморского типа с типичным набором культур и курортами» [26], в последние годы обретший фактический статус «летней столицы России», а «заодно» и позиции одной из метрополий Краснодарского края и в целом южного макрорегиона.

Иной, тоже южно-российский пример – выстраиваемая практически «с нуля» столица Ингушетии, г. Магас (на 1.01.08 – 400 жителей) – пока ещё далёкий от облика сложившейся метрополии, несопоставимый по своему хозяйственному и демографическому масштабу с соседней Назранью (134 тыс. жителей), но уже «зарезервировавший» за собой значимые для метрополии политико-экономические функции и черты (симптоматично, что число локализованных в городе рабочих мест втрое превышает численность его населения, а средняя заработная плата в 1,4 раза выше, чем в целом по региону, – ситуация, характерная для крупнейших городов и их центральных частей), включая важнейшую для российских условий – локализацию власти и в этой связи – активно развивающийся (на Магас приходится 16% всех по республике инвестиций в основной капитал, а душевая обеспеченность жильём в 4,5 раза превосходит аналогичный показатель по Назрани).

Следует подчеркнуть, что региональные метрополии – это не только некое особое качество городской среды, но и неизменно её «количество» (населения, потенциала потребительского рынка, хозяйственных возможностей, бюджетно-финансового потенциала и др.), в свою очередь переходящее в качество (современные торговые комплексы, лучшие вузы и медицинские центры, развитая рекреационная и спортивная сферы и т.п.). Существенно при этом, что «столичность» города и его «глобальность» сплошь и рядом могут касаться немногих его частей и объектов [26]. Метрополии (как территориальная целостность), формируясь в процессе фрагментации геоуниверсума, сами «расслаиваются» в пространственном, социальном, хозяйственном отношениях. Концентрируя персоналии, группы и структуры «принимающие решения», они одновременно вмещают в себя значительный пласт бедных (особенно на фоне культивируемых в крупнейших городах современных стандартов потребления) и маргинальных групп населения, аккумулируют транспортно-инфраструктурные и экологические проблемы, являются заложниками (и донорами) своих масштабных, продолжающих и далее разрастаться сетей инфраструктуры (в которой, подчеркнём, ощущается всё больший дефицит). Параллельно (в макрорегиональном, российском и в глобальном масштабах) усиливается конкуренция крупнейших городов (как потенциальных, так и уже состоявшихся метрополий), и на фоне выраженной гиперконцентрации властных функций, финансово-экономического и социально-демографического потенциала в общефедеральной столице всё более чётко просматривается сеть региональных метрополий, а также общие контуры пространственной урбанистической многополюсности.

Важнейшим и наиболее «зримым» проявлением метрополизации является «полюсность» крупнейших городов и их «контрастность» на общем территориально организованном фоне. Иным существенным, параллельно реализуемым её моментом (по В. Колосову, О. Вендиной и Д. Эккерт [13]) выступает установление достаточно жёсткой зависимости между городом и его периферией.

Город (метрополия) подчиняет себе периферию (деревню и «полусельские» малые и средние города, а также крупные города – «несостоявшиеся» метрополии) через агропромышленную интеграцию [17], оптовую, мелкооптовую и розничную торговлю, прямые и портфельные инвестиции, разнообразные услуги (филиализацию сервисных структур, включая банки и страховые компании, высшие учебные заведения и др.), развитие «пригородной» (сельской) рекреации, в том числе такого распространённого в России института, как загородный «сад», дача. Метрополизация являет себя также в пространственной экспансии рынков труда и недвижимости крупнейших городов, в перманентном (зачастую неявном) перераспределении в их пользу бюджетных ресурсов (в особой мере – прямых расходов федерального и региональных бюджетов), в практически неизменном спонтанном выборе крупнейших городов в качестве приоритетной площадки для частных и корпоративных инвестиций. Всё перечисленное порождает и усугубляет эффект *территориально-социальной сегрегации*, отрыва (по основным социально-экономическим индикаторам) ядер метрополии (крупнейших городов) от остальной территории. Акцентируем, что в основе подобного рода индицирующей метрополию сегрегации – отрыв финансов (фиктивной экономики) от экономики реальной, высшего менеджмента – от населения, собственников – от наёмного персонала. Это не только (и не столько) экономико-географический, но и политико-экономический феномен и проблема.

Взаимодействуя со своим ближним и дальним окружением, используя его ресурсный потенциал, метрополия испытывает многоаспектную пространственную трансформацию. Она создает и развивает сферу своего влияния и одновременно видоизменяет свой пространственный облик, «вбирая» в себя прилегающие к нему сельские поселения и мелкие «пригородские» посёлки, занимая всё новые и новые территории под селитебную, производственную и иную застройку. При этом для неё вполне характерна общая, уже достаточно давно подмеченная в зарубежной научной литературе ситуация: «каждая экспансия города, увеличение его площади, увеличивает возможность сегрегации» [33]. Последняя полномасштабно проявляет себя в джентрификации (так, к примеру, в реновацию сравнительно небольшого по площади центра идёт 35–40% от всего объёма инвестиций в жилищное строительство Ростова-на-Дону) между активно модернизируемыми (воплощающими в себе дух и функции метрополии) кварталами ядра города и продолжающими деградировать рудиментами его исторической застройки, между собственно центром (как максимально аккумулирующими ренту и наиболее инвестиционно привлекательными фрагментами пространственной структуры) и городской периферией. На сегрегацию «работает» и сопутствующая метрополизации субурбанизация, одновременно порождающая современные благоустроенные посёлки для обеспеченной страты горожан (в последние два-три года в окрестностях Ростова и Краснодара реализуется несколько подобного рода девелоперских проектов), и существенные градиенты (в инфраструктурном обеспечении, спросе на рынке труда) между собственно городом-метрополией и его урбанистическим и руральным окружением.

Крупнейшие города-метрополии в итоге деформируют и себя, и своё ближнее окружение, поскольку во всём пространстве метрополизации выстраивается асимметричная социально-территориальная взаимозависимость: периферия (в системе глобального позиционирования) идентифицируется с метрополией, отдаёт ей свои ресурсы, зависима от центрально-периферийных связей; устойчивость же и потенциал центра зависит от сформированности и уровня развития его периферии, от позитивного (стимулирующего и отчасти ресурсоформирующего) воздействия полупериферии, от характера интегрированности в глобальную сеть (как тонко подмечает один из французских коллег, метрополизация рифмуется с глобализацией [32]). Региональная метрополия «расползается» по периферии и в то же время становится и всё более недоступной для взаимодействия с ней (из-за цен на жильё, деловую недвижимость, завышенную стоимость предлагаемых на территории города услуг и т.п.).

Процесс метрополизации на Юге России, хотя и следует во многом за универсальными российскими трендами, специфичен, что связано с такими имманентными макрорегиональными характеристиками, как периферийность, руральность и полиэтничность. Периферийность, в частности, обуславливает существенную роль экзогенных (внешних по отношению к макрорегиону) факторов в формировании метрополий, включая бюджетные трансферты (в особой мере – Махачкала, Грозный, Назрань-Магас, Нальчик, Элиста), а также рынок туристско-рекреационных услуг и досуг федеральной управленческой элиты (Сочи и, в меньшей мере, Кавказские Минеральные Воды).

Полиэтничность и поликонфессиональность предопределяет наличие целой совокупности реальных и латентных центров метрополизации (в том числе и вне пределов основных урбанизированных зон): «центр Джихада», «центр Буддизма», «центр вайнахского народа» и т.п. В целом же сложившаяся в настоящее время территориальную структуру российского Юга уместно охарактеризовать как «асимметричную полицентричность». Инфраструктурные дефициты и институциональные барьеры лимитируют взаимодействия между «центральными местами» и отчасти снижают потенциал ведущих метрополий (Ростова, Краснодара, Сочи, Ставрополя, Махачкалы и др.) как основных агентов экономической модернизации.

Оценка ситуации на российском Юге и её соотнесение с положением в общенациональном и глобальном масштабе позволяет говорить о сопряжённости метрополизации с другой достаточно полномасштабно проявляющейся тенденцией территориальной организации общества – **провинциализацией**.

В условиях регионализации России [8, 11, 16, 25, 27, 30 и др.], характеризуемой в том числе и атомизацией (по выражению Л.В. Смирнягина) российского общественного пространства [24], всё более выраженными становятся не только разноуровневые центрально-периферийные взаимосвязи, но и аспектные проявления территориального социально-экономического изоляционизма. В этой связи некоторые российские авторы сознательно акцентируют качественное различие территорий, неразрывно связанных с центром (хотя и полярных ему по совокупности важнейших качественных и количественных характеристик), и территорий, чьи взаимосвязи с «центральными зонами» ТЭС (территориальных социально-экономических систем) не столь выражены и развивающихся как бы «на обочине» доминантных пространственных социально-экономико-культурных процессов. «Провинцию, – подчёркивает В.Л. Каганский, – мы отличаем от периферии, которую определяем как совокупность отдельных несамодостаточных мест, связанных исключительно с центром; в пространстве периферии решают свои задачи, несоотнесенные со спецификой её мест, иные внешние территории; периферия живет не для себя. Провинция — пространство немногих относительно равноправных и преимущественно горизонтальных направлений, т. е. связей мест между собой, а не с Центром» [12. С.78].

Различия между периферией и провинцией (в изложенном выше понимании) существенны, но не абсолютны. Географические реалии таковы, что на любой периферийной по своим сущностным особенностям территории присутствуют «вкрапления» неких локалитетов-изолянтов (по крайней мере, с формально-статистической точки зрения). Наличие последних и воспроизводство на их территориальной основе традиционных и промежуточных укладов [21] снижает воздействие негативных аспектов глобализации и тиражируемых ею капиталистических отношений, позволяет широким слоям соответствующих территориальных общностей избежать пауперизации, сберечь свои духовные ценности и сохранить вековой образ жизни. И одновременно любая внешне «самодостаточная» территория (страна, регион) неизбежно включается в глобализационные процессы, взаимодействует с разноуровневыми метрополиями как напрямую (через теневые формы внешней торговли, включая поставки оружия, наркотрафик, трудовую миграцию, различные формы гуманитарной помощи и т.п.), так и опосредовано, благодаря даже самому факту своего «нейтрально-минимального» участия в формировании планетарной, метарегиональной и страновой социально-экономической конструкции. Нельзя в этой связи не подчеркнуть, что метрополизация связана с интеграционными тенденциями и она же инициирует дезинтеграционные процессы, «выпадение» территорий из общесистемного политико-экономического и социально-культурного контекста.

С лета осени 2008-го г. доминантой территориальной организации российского общества выступает глобальный финансово-экономический кризис. Под его воздействием и в российском, и в общерегиональном масштабе происходит своеобразное территориальное социально-экономическое выравнивание, потенциал влияния ведущих региональных метрополий снижается, факторы многополюсного развития усиливаются. Характерная для первой половины 2009 г. ситуация, тем не менее, полагаем, временна. Её может изменить как углубление рецессии, так и в равной мере вероятный выход из неё, благодаря улучшающейся ценовой конъюнктуре на основные товары российского экспорта.

В случае пролонгации неблагоприятных тенденций в экономике уже в ближайшие месяцы начнут сокращаться ресурсы федерального бюджета и, соответственно, «мельчать» (скорее реально, чем номинально) трансфертные потоки на Юг России. Параллельно частично

воспроизведётся ситуация начала 1990-х: относительные преимущества сохраняют наиболее крупные «сгустки» населения и инфраструктуры – крупнейшие города и городские агломерации. Сработает уже апробированная в условиях России закономерность: от кризиса в первую очередь страдают все регионы со слабо диверсифицированной экономикой [28]. Произойдёт своего рода «съеживающаяся концентрация» (воспользуемся удачной формулировкой А.И. Трейвиша) ареалов традиционно устоявшегося социально-экономического благополучия. Наметься новый виток передела ресурсов в пользу общероссийской и отчасти некоторых региональных метрополий (где также неизбежна пролонгация деиндустриализации и частичная деградация третичной сферы), усилится поляризованность территориальных социально-экономических систем на региональном, макрорегиональном и общероссийском уровне. То есть при любых изменениях макроэкономической конъюнктуры в средне- и долгосрочной перспективе метрополизация сохранит своё значение доминанты территориальной организации общества. Более того – она получит дополнительный импульс.

Три десятилетия тому назад в советской экономической географии оформилась концепция так называемой «единой системы расселения» как равноправного, координированного развития всех типов поселений в рамках определённых локальных и региональных систем расселения [1]. Социально-экономические реалии изменились, и возникла иная пространственная реальность – метрополизация, неравноправное, координируемое через рыночные механизмы соразвитие поселений, фактически «единая» система расселения в современном, имманентном постсоветской России политико-экономическом контексте. Метрополизация «высасывает» ресурсы периферии; стимулирует конкуренцию метрополий, углубляет социально-территориальную сегрегацию. Она же вовлекает территории в процессы модернизации, включает их в рыночные обмены и соответственно обеспечивает реновацию периферии, интегрирует локальные хозяйственные комплексы и системы расселения. Метрополизация позволяет региону сформировать свои центры (ареалы) глобальной конкурентоспособности, прежде всего центры полифункциональные (центры новой экономики, центры богатства и потребления, центры инноваций и конвергенции). Это двойкий по своим доминантным векторам, противоречивый экономико-географический процесс, составляющий основу современной территориальной организации общества.

Библиографический список

1. Агафонов Н.Т., Лавров С.Б., Хорев Б.С. О некоторых ошибочных концепциях в урбанистике // Известия ВГО. 1982. Т. 114, вып. 6. С. 533–539.
2. Баранский Н.Н. Об экономико-географическом изучении города // Экономическая география. Экономическая картография. М., 1956. 366 с.
3. Богорад О.Д., Тевелев О.Г., Падалка В.Г., Пидмогильный М.В. Региональная экономика: сл.-справочник. Киев, 2004. 552 с.
4. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986. 622 с.
5. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М., 1992. 679 с.
6. Глушкова В.Г. Москва среди городов мира. М., 1983. 285 с.
7. Гранберг А.Г. Трансформация экономического пространства России // Новые факторы регионального развития / Ин-т геогр. РАН. М., 1999. С.7–17.
8. Дружинин А.Г., Ионов А.Ч. Концептуальные основы регионализации экономики. Ростов н/Д, 2001. 52 с.
9. Дружинин А.Г. Пространственное развитие города-миллионера: тенденции постсоветского периода. Ростов н/Д: Изд-во Юж. федер. ун-та, 2008. 192 с.
10. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: сб. ст. М., 2001. 576 с.
11. Каганский В.Л. Регионализм, регионализация, пострегионализация // Интеллектуальные и информационные ресурсы и структуры для регионального развития. М.: Ин-т геогр. РАН, 2002. С. 44–49.
12. Каганский В.Л. Россия. Провинция. Ландшафт // Отечественные записки. 2006. № 5. С. 244–257.

13. Колосов В.А., Вендина О.И., Эккерт Д. Региональные центры в условиях глобализации: проблемы сравнительных исследований // Крупные города и вызовы глобализации: сб. ст. / под общ. ред. В.А. Колосова, Д. Эккерта. Смоленск: Ойкумена, 2003. С. 9–26.
14. Лаппо Г.М. География городов с основами градостроительства. М., 1969. 184 с.
15. Маршан П., Самсон И. Метрополисы и экономическое развитие России // Вопросы экономики. 2004. №1. С. 4–19.
16. На пороге новой регионализации России: доклад / Центр стратегических исследований Приволж. федер. округа. Н. Новгород, 2001. 123 с.
17. Нефёдова Т.Г. Сельская Россия на перепутье: геогр. очерки. М., 2003. 408 с.
18. Пивоваров Ю.Л. Современная урбанизация. М., 1976. 191 с.
19. Полтерович В.М. Общество перманентного перераспределения: роль реформ // Пути России: двадцать лет перемен / под общ. ред. Т. Е. Ворожейкиной. М., 2005. С. 90–102.
20. Полян П.М. Опорный каркас расселения и его важнейшие узловые и линейные элементы (на примере Кавказского региона): автореф. дис... канд. геогр. наук. М., 1980. 28 с.
21. Пуляркин В.А. Локальные цивилизации во времени и в пространстве (взгляд географа). М., 2005. 536 с.
22. Родоман Б.Б. Страна перманентного колониализма. Подумаем о моральных аспектах // Здравый смысл. 2008/2009. №1. С. 38–41.
23. Саушкин Ю.Г. Москва – географическая характеристика. М., 1964. 240 с.
24. Смирнягин Л.В. Трансформация общественного пространства России // Отечественные записки. 2006. №5. С. 114–123.
25. Трейвиш А.И. Регионализация и централизация в России // Региональные исследования. 2008. № 5 (20). С. 3–13.
26. Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009. 373 с.
27. Трофимов А.М., Шарыгин М.Д. Общая география (вопросы теории и методологии). Пермь, 2007. 494 с.
28. Туровский Р.Ф. Последствия социального оптимизма // Независимая газета: НГ сценарии. 2009. 27 января. С. 9–10.
29. Хорев Б.С. Проблемы городов. М., 1975. 428 с.
30. Шарыгин М.Д. Территориальные общественные системы (региональный и локальный уровни управления). Пермь, 2003. 260 с.
31. Ascher F. Metapolis, ou l'avenir des villes. Paris: Odile Jacob, 1995. 350 p.
32. Ascher F. La République contre la ville. Edition de le Aube. 1998. 202 p.
33. Friederichs S. Stadtanalyse. Soziale und raumliche Organisation der Gesellschaft. Opladen, 1981. 256 s.
34. Leroy S. Sйmantiques de la mйtropolisation // L'Espace Geographique. 2000. n°1. P. 78–86.
35. Moriconi-Ebrard F. L'urbanisation du monde. Paris: Anthropos, col. Villes, 1996. 372 p.

SUMMARY

The features of metropolisation as a dominant tendency of spatial organization of society in the post-soviet period are considered. Association of metropolisation with urbanization, regionalization and globalization is shown. Activization of metropolisation in the modern Russia is emphasized, an impact on metropolisation the factor of global financial and economic crisis is estimated. It is shown that for the transformation of large city (including regional center) to the full-scale metropolis the complex of interrelated factors: size and potential of controlled territory, demographic-economic scale of the metropolis itself, its structural features, pattern of interaction with other metropolises, also within the process of globalization is essential. Specificity and determinants (peripheracy, rurality and polyethnicity, etc) of metropolisation in the South Russia are revealed.